

Истинная любовь, она, как золото, никогда не ржавеет и не окисляется...

А. И. Куприн. Юнкера

Ева не любила мужчин. Она была вполне нормальной женщиной с вполне традиционными пристрастиями, но мужчин не любила, вот поди ж ты...

Конечно, «не любила» — сильно сказано, поскольку Ева была хорошенькой, и романы в ее жизни случались довольно часто, даже более того — на несколько дней или недель она могла потерять голову и чувствовала то волшебное состояние, которое называется влюбленностью, но скрытая и устойчивая неприязнь, ожидание подвоха, презрительная ирония к противоположному полу — не исчезали никогда.

Так настороженно относятся к чужакам, нахально заполонившим твой родной город. Так раздражают шумные соседи. Так утомляют дальние родственники, без всякого приглашения приехавшие погостить у тебя на месячишко-другой. Когда только соображения политкорректности и туманного гуманизма сдерживают напор негативных страстей...

Например, Ева никогда не лечилась у врачей-мужчин, но не из соображений стыдливости и не потому, что считала мужчин глупее, — нет, вовсе нет! Просто общаться с женщинами было проще и приятней.

Если Ева попадала на рынок, то подходила к женщине, а не к мужчине-продавцу, и ее не волновала мысль, что муж-

чина, возможно, из соображений галантности меньше об-
считает хорошенькую покупательницу. К черту галант-
ность! Пусть эта толстая тетка за прилавком жульничает,
Ева простит своей сестре этот мелкий грех...

Ева никогда не высказывалась открыто: «Все мужи-
ки — сволочи!», потому что это было бы слишком прими-
тивно, некрасиво и свойственно скорее той самой толстой
тетке за прилавком, чем ей, хорошенькой женщине. Эта
фраза звучала банально, как заголовок пустого сериала
для домохозяек... Но если бы Еву попросили рассказать о
своей нелюбви — о, она бы со свирепым и радостным удо-
вольствием пустилась бы перечислять грехи и недостатки
противоположного пола.

(Кстати, сразу стоит упомянуть — многие считали Еву
стервой, даже ее подруги. Многие были уверены, что ее
раздражают все люди без исключения, но это не так. Жен-
щинам Ева прощала глупость и ошибки, мужчинам — ни-
когда.)

Ее нелюбовь имела градации и возрастные рамки. Во-
первых, дети. (Маленькие мальчики всегда бестолковей,
чем маленькие девочки, — научный факт, между прочим.)
К маленьким мальчикам Ева была безразлична. Она ниче-
го к ним не испытывала — ни раздражения, ни ненависти.
Просто — ни-че-го. А вот девочки — такие славные, ми-
лые куколочки, их можно наряжать и причесывать, с ними
можно болтать о всяких забавных пустяках... Ева безус-
ловно обожала девочек, этих маленьких принцесс. Если
бы она вдруг собралась завести ребенка, то мечтала бы
только о девочке.

Во-вторых, юноши. Такое впечатление, что мозгов с
возрастом у них не прибавилось, а даже наоборот... Ди-
кие, очень дикие существа. Пьют пиво, разрисовывают
стены, гогочут лужеными глотками, приводят в отчаяние

педагогов и несчастных родителей. А те юноши, которые сидят над учебниками и смотрят на мир сквозь толстые линзы очков, вообще очень подозрительны. Ева была уверена, что в головах именно таких «ботаников» и творятся самые ужасные вещи. Именно из них вырастают Оппенгеймеры, бессознательно жаждущие разрушить мир с помощью очередной атомной бомбы...

В-третьих, мужчины. Ну, тут немного сложнее... Но не потому, что они какие-то особые. Сложнее потому, что Ева не всегда могла обойтись без них. Она нормальная женщина! Хорошенькая женщина, в конце концов... Мужчина, который рядом, — это вечная борьба компромиссов. Сколько можно его терпеть возле себя, а сколько — уже непозволительная роскошь? Откровенных бабников Ева на дух не выносила, не позволяя им даже приблизиться к себе, она даже как будто ощущала козлий запах, исходящий от них. А скромные тихони, стремящиеся создать семейный очаг, вызывали у Евы боязнь и желание удрать от них как можно дальше. Они были опасны, поскольку покушались на самое святое — на ее свободу.

В-четвертых, пожилые мужчины. Тут уж, казалось, можно было проявить снисхождение, но Ева слишком хорошо знала, что даже возраст не может оправдать их мерзких поступков. Она, как хорошенькая женщина, столько раз страдала от покушений старых сатиров! Другие стариканы, наоборот, ненавидели хорошеньких женщин (наверное, по принципу — «зелен виноград!»). Знали, что им ничего не обломится, и потому шли по жизни как танки, не замечая, что давят чужие ноги. Чугунные животы, каменные плечи, глаза из серого гранита... Сколько раз такие толкали Еву (и в самом буквальном смысле слова), сколько гадостей говорили!

Совсем старики — тоже попадались разные. Ведь ста-

рость (как и младенчество) словно лишает человека пола, он, человек, в старости становится мягким и неопасным и, свободный от голоса плоти, начинает думать о вечном... Но и то не всегда.

Итак, Ева не любила мужчин.

Ситуация была такова: накануне того дня, когда ей исполнилось тридцать три года, Ева поссорилась с Вадимом, с которым встречалась уже полгода (невиданно долгий срок), запретила некоему Илье Гамову звонить себе (поскольку телефонный роман после разрыва с Вадиком грозился принять более осязаемые формы — Гамов был очень настойчивым субъектом), а Николаю Николаевичу в угрожающе резкой форме заявила, что если он не прекратит ее преследовать, то она все расскажет его жене.

Словом, Ева на данный момент была свободна от мужчин — и очень этому радовалась. Некий отпуск для души...

На свой день рождения она пригласила только Шуру Лопаткину, которую знала чуть ли не с детского сада. Больше никого не хотела видеть.

Вечером, накануне, Ева отправилась в ближайший супермаркет за покупками, поскольку весь завтрашний день она собиралась провести в блаженной лени и абсолютном покое. Шурочка любила вкусно поесть, и Ева снисходительно относилась к этой слабости своей подруги.

Супермаркеты Ева предпочитала всем остальным формам торговли — в них необязательно было с кем-либо общаться. Навалила в тележку коробок и банок, переложила их на транспортер перед кассой, молча рассчиталась с кассиршей... Работают эти супермаркеты почти круглосуточно — приходи поздно вечером, когда практически нет посетителей, и ходи вдоль полок, сколько твоей душе угодно.

Ева положила в свою тележку пончики с ванильным кремом (для Шурки), мидии в томатном соусе (для себя,

Шурку от них почему-то рвет), полусладкое шампанское (то бишь игристое вино, как теперь принято говорить) — для обеих, готовые нарезки колбас и сыра. У витрины с морожеными курами Ева остановилась, задумавшись. Если курица, то, стало быть, ее придется готовить...

Зеркальная витрина отражала Еву.

Очень невысокая блондинка а-ля Мэрилин, в небесно-голубом платье. Сорок шесть килограммов чистой красоты.

Ева повертела головой, невольно любуясь сережками, которые купила недавно. Сапфиры удивительно сочетаются с платьем и глазами — не голубыми (это было бы уже слишком, пошловато даже), а ярко-серыми.

— Красавица!.. — произнес рядом восхищенный мужской голос. Даже еще не увидев того, кто эти слова произнес, Ева уже точно знала — это очень недалекий, малообразованный и вряд ли симпатичный представитель сильного пола. Иногда бывает достаточно только голос услышать, чтобы разобратся во всем.

Она чуть-чуть скосила глаза в сторону — так и есть, рядом стоял мужчина лет сорока пяти — пятидесяти, небритый, с глубокими залысинами, в потертом пиджаке из коричневой замши. В тележке его лежала бутылка самой дешевой водки и один-единственный сырок «Дружба». Иногда и голоса можно не слушать, достаточно заглянуть в тележку с покупками. Ева его видела насквозь — бывший мачо советского разлива. Когда-то блистал, мороча головы наивным дурочкам, приехавшим в Москву из ближнего зарубежья, теперь вышел в тираж, но пока еще не осознал этого. Злостный неплательщик алиментов, скорее всего.

Ева отвернулась и молча пошла вдоль полок. Она благородно давала этому типу шанс — пусть отстанет сам.

— Меня Жора зовут, а вас? — Тип и не думал отставать.

— Что тебе надо, Жора? — голосом Снежной королевы спросила Ева.

— Познакомиться хочу! — с наивной искренностью признался тот. — Я таких красивых только в телевизоре видел.

— А я не хочу с тобой знакомиться, — с угрозой произнесла Ева и мысленно фыркнула: «В телевизоре!»

Нахал с залысинами трусил рядом, умильно улыбался, показывая ряд золотых зубов.

— Почему? Ну почему, девушка, а?

Ева медленно остановилась, посмотрела ему прямо в глаза. Она никогда ничего не боялась, наоборот, всегда чувствовала справедливый гнев, когда ей приходилось давать отпор таким вот типам. Вероятно, нечто подобное ощущал Александр Невский, когда гнал тевтонов по льду Чудского озера...

— Потому что ты урод, — произнесла она с таким выражением, что у самой мурашки по спине побежали.

От неожиданности бывший мачо оцепенел.

— Ты на себя когда-нибудь смотрел со стороны? — мрачно сузив глаза, продолжила Ева свое наступление. — Ты хоть на какую-то самооценку способен?..

— Я не понимаю... — отшатнувшись, обидчиво заблеял тот.

— Есть люди, у которых на лице написано, что они прожили совершенно пустую, бездарную жизнь. Что они не совершили ни одного хорошего поступка, только пакости... — Ева сознательно не говорила то, что было принято говорить в таких ситуациях, например: «Отстань, дурак, я сейчас милицию позову». Она любила нестандартные фразы, ведь именно такие задевали собеседника больше всего. — Ты — глупый и никчемный, не смей подходить к порядочным женщинам, иди на вокзал и там ищи себе под-

ружек. Разве ты не понял, что жизнь твоя прошла, и прошла зря?..

— Ах ты...

— Ну что — «я»? Что «я»? С чего ты решил, что мне понравятся твои сомнительные комплименты?..

Тип попятился назад, таща за собой тележку. Глаза его были широко раскрыты, в них уже плескалась жгучая, нестерпимая ненависть. Вот так всегда — стоит таким людям понять, что им способны дать отпор, они бросаются в другую крайность.

— Жалкий пьянчужка, — мрачно добила его Ева.

— А ты... а ты... — От ненависти тип стал задыхаться.

— Ну что «я», убогий ты человек?.. — сурово усмехнулась она.

— А ты — СТЕРВА! — выкрикнул тот и убежал, скрывшись за рядами полок.

Ева укоризненно покачала головой и пошла дальше. «Нет, курицу не буду брать, возни с ней... Так, а тут у нас что? «Картофельная запеканка с мясом». Выглядит аппетитно на картинке... И возни никакой, всего-то в микроволновке разогреть!»

Ева положила в тележку еще и торт с яркой надписью по всему боку — «низкокалорийный». «Ладно, Шурке раз в году можно... Ну и мне тоже», — удовлетворенно решила она.

Шурочку Лопаткину она очень любила — наподобие того, как суровая мать любит свое единственное дитя. То есть спуску ей не давала, но если кто-нибудь, не дай бог, вздумает Шурочку обидеть — она, Ева, тому горло перегрызет!

— Стерва, гм... — презрительно пробормотала Ева. — Я ему глаза, можно сказать, открыла, а он меня стервой назвал!

Ева уже пробиравась к кассам, как вдруг, у книжных полок, которые располагались напротив веников, щеток, поролоновых губок для мытья посуды и пластмассовых ведер, увидела вывеску:

«Сегодня, в 21.00, по всей Москве начата продажа нового романа Даниила Михайловского «Спальня императрицы». Не пропустите!»

У Евы даже дух захватило. Новый роман Михайловского! Она не пропустила ни одного, прочитала все двадцать четыре предыдущих... «Господи, ну да, я сама недавно в газете читала, что скоро выйдет его новая книжка... Это прямо подарок судьбы, подарок к моему дню рождения!»

Ева решительно двинулась к книжным полкам, цапнула увесистый том в пестрой обложке.

Надо сказать, что Ева не была одной из тех пожирательниц легкого чтения, которых в последнее время развелось немало благодаря оборотистости некоторых писателей. Нет, Ева, строгая к себе и к окружающим, очень строго относилась и к искусству. Дамские романы она не читала, криминальные — только выборочно, любила во всем классику и могла под настроение даже Достоевского перечитать, чем очень угнетала Шурочку Лопаткину, которая жила только одними ироническими детективами.

Михайловский стоял особняком. Он, собственно, и не писателем был вовсе, а историком. Его исторические романы пользовались бешеной популярностью. Критики разделились на два лагеря — одни считали его сугубо коммерческим автором, умеющим ловко стряпать занимательные сюжеты, а другие утверждали, что Михайловский — это талант, возродивший интерес публики к отечественной истории. Впрочем, сам Михайловский в одном-единственном интервью, которое он дал только одной газете, скромно просил называть себя «беллетристом».

Есть некая тайна в том, как слова складываются в текст, как текут свободным повествованием, увлекая за собой читателя, как заставляют забыть обо всем на свете... Не все книги — такие, не каждому литератору удается владеть этой магией.

Но Михайловский был одним из тех, кто мог удержать внимание избалованной столичной публики. Он умел преподать историю так, что она превращалась в детектив и в любовный роман — одновременно. В трагедию и фарс. Его книги отличали простота и глубина. Одинокому человеку они могли заменить собеседника, любителю выпить — бутылку вина.

Ева обожала романы Даниила Михайловского, каждая его новая книга была для нее маленьким праздником.

Вот и сейчас она уткнулась в аннотацию на оборотной стороне книги.

— «История жизни Екатерины Великой — ее свершения на троне и тайны личной жизни... — забормотала Ева вслух. — ...новое изложение уже известных читателю фактов и сенсационные предположения...» Потрясающе!

Ева была уже в курсе свершений Петра I, Ивана Грозного и многих других государей. Хорошо знала о монголо-татарском иге и подвигах Александра Невского. О реформах Александра II и фрейлине Долгорукой. Жизнь Григория Распутина знала назубок, словно был тот ее близким родственником, не так давно прибывшим из деревни в город. Благодаря Михайловскому у нее совершенно изменилось мнение о лейтенанте Шмидте. Она заворуженно, со страхом и содроганием, наблюдала за жизнью кровавых советских диктаторов...

Словом, Ева прекрасно разбиралась в отечественной истории — именно благодаря Михайловскому (то, что она

учила в школе и в институте, давно и благополучно выветрилось из ее головы).

Правда, и стоил новый труд Даниила Михайловского недешево — это Ева осознала, уже расплачиваясь у кассы... Но на Михайловского ей денег было не жалко.

Она вышла из супермаркета, когда было уже совсем темно.

Неоновыми разноцветными огнями горела улица. Был тот самый августовский вечер, когда почти каждый прохожий начинает сожалеть об ускользающем лете и со смиренной грустью вспоминает о близкой осени.

Тепло и тихо, насколько тихо может быть в большом городе...

До дома Евы — рукой подать.

Впереди шла пара — он и она. Судя по походке и виду — довольно пожилые люди. Шли медленно, вдумчиво, держась за руки.

«Точно дети...» — мелькнуло у Евы в голове. Она очень уважала вот такие семейные пары. Про себя она точно знала, что: а) хорошего мужа она не найдет, ибо они — большая редкость в природе, б) даже если она найдет хорошего мужа, то он от нее быстренько сбежит, поскольку у нее скверный характер, терпеть который в течение долгих лет вряд ли согласится даже самый идеальный мужчина, в) зачем ей хороший муж, если свободу и спокойствие она предпочитает больше всего?..

И тут-то Еву озарила новая мысль, за которую она себя впоследствии не раз пилила, та самая мысль, которая перевернула всю ее дальнейшую жизнь.

Мысль была такая: «Собственно, а кто просит меня жить с кем-то до гробовой доски? Я могу просто сходить замуж. Ненадолго. Для того «чтобы было»...

Утром следующего дня Ева собралась принимать по-

здравления от своих родственников и знакомых, но жизнь, как всегда, внесла свои коррективы в ее планы. Проще говоря — эти глупые мужчины опять все испортили.

Позвонил Вадим и заныл:

— Ева, любовь моя, прости...

— Бог простит! — злорадно ответила она.

— Ты не поняла, это было просто недоразумение...

— Ага, недоразумение — я собственными глазами видела, как ты хватал эту лошадь в очках за бока!

— Но это смешно! — возмутился Вадим. — Подумаешь, обнял девушку! Я же не спал с ней, в конце концов...

— Еще чего не хватало!

— Так в чем же дело? — душераздирающе вздохнул тот.

— Вадик, надо уметь вовремя прекращать отношения, — холодно произнесла Ева. — Я не хочу быть униженной, а ты бы меня унижил рано или поздно, я это знаю. Я, Вадик, очень уважаю себя...

— Ева!

Она помолчала, стиснув зубы.

— Какой же ты дурак, Вадик, — наконец почти ласково сказала она. — Ведь я в сто раз красивее этой лошади в очках и в сто раз умнее. Я это говорю не потому, что у меня раздутое самомнение, а таковы факты. Есть некрасивые, но очень милые женщины... А то чучело, что ты при всех обнимал на вечеринке, — даже и не женщина вовсе!

— Как — не женщина? — испугался Вадим.

— А вот так! Я же сказала — это была лошадь в очках! — заорала Ева и бросила трубку.

Телефон зазвонил снова.

— Ева? Ева, это я, Илья... — зашептал ей в ухо Гамов. — Поздравляю тебя с днем рождения, Ева! Мне сказали, что ты рассталась с этим мерзавцем... Мы должны сегодня встретиться, Ева!

— Как же, разбежался... — фыркнула она и снова бросила трубку. Гамов пугал ее своей настойчивостью. Если и дальше продолжать с ним отношения, то он, пожалуй, не отстанет от нее до конца жизни. Теоретически Ева, как уже упоминалось, со вчерашнего дня была не прочь сходить замуж, но Гамов имел несколько существенных недостатков. Во-первых, он наотрез отказывался сбрить свою бородку, делавшую его похожим на геолога. Во-вторых, у него была слишком многочисленная родня. Мама, бабушка — очень бодрая и деятельная пожилая дама, две младших сестры, смуглая и усатая племянница из Баку, которая вот уже который год искала себе жениха (почему-то именно в Москве), целых три незамужних тетки в Иванове, которые чуть ли не каждый квартал делали набеги на столицу... В общем, Гамов в мужа категорически не годился, даже на короткое время.

Телефон зазвонил снова.

— Ева Борисовна Полякова? — прошелестел вкрадчивый женский голос.

— Да, она самая. А вы кто?

— Я жена. Жена Николая Николаевича. В последнее время до меня стали доходить слухи...

— Все неправда! — мрачно воскликнула Ева и в третий раз бросила трубку. Потом подумала и выдернула шнур из розетки. Еще подумала и отключила свой сотовый.

Потом достала из шифоньера ярко-алое бархатное платье. Ева прекрасно понимала, что такое платье вовсе не годится для скромных домашних посиделок, но подобные глупости вроде этикета и правил хорошего тона ее волновали мало. Кто сможет запретить ей в собственный день рождения надеть алое платье из бархата и накрасить губы ярко-красной помадой, чтобы напоминать танцовщицу из Мулен-Руж!

И, чтобы довершить превращение, она вддела в уши старинные серьги с огромными рубинами, которые ей подарил когда-то один поклонник (слава богу, после расставания не стал требовать их обратно, широкой души мужчина оказался!).

В семь часов в дверь позвонили. Поскольку Шура обещала прийти в семь (а Шура Лопаткина была исключительно пунктуальной особой), то Ева, не раздумывая, распахнула дверь.

На пороге действительно стояла ее лучшая подруга Шура, но не одна. Рядом с Шурой была еще какая-то женщина.

— Ева, дорогая, с днем рождения тебя! — залепетала Шура несколько смущенно и ткнула в подругу гладиолусами. — Я тебе не могла дозвониться...

— Ну правильно, я все телефоны отключила! — кивнула Ева, разглядывая стоящую рядом с Шурой незнакомку. — А ты с кем это?

— Господи, прости... Я же говорила — я хотела тебя предупредить! Это Ива, дочь маминой старинной знакомой! У Ивы ремонт, еще сломалась машина, а у нас, ты знаешь, тесно, и мы решили, то есть я решила...

— Господи, да заходите же! — любезно улыбаясь, Ева пропустила их в прихожую. Когда Шура проходила мимо, Ева весьма чувствительно ее ущипнула («нечего чужих с собой приводить!»). Шура едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть, побледнела, потом покраснела, и на глазах ее выступили слезы.

— Может быть, я зря пришла? У тебя день рождения, а я нахально явилась... — извиняющимся голосом начала Ива, незваная гостя. — Но Шура так настаивала...

— Ничего-ничего! — все так же любезно улыбнулась Ева. — Все в порядке! Я очень рада. Прошу...

Ива подарила Еве коробку конфет и бутылку коньяка, но это ничуть не растрогало хозяйку дома.

— Шура, помоги накрыть на стол... Ах, Ива, а ты сиди, мы сами справимся!

На кухне Ева сердито спросила подругу:

— Что ты себе позволяешь, Лопаткина! Я, между прочим, тебя одну приглашала!

— А щипаться-то зачем... — грустно вздохнула Шура и вытерла ладошками уголки глаз. — Я же говорю — это дочь маминой старинной знакомой, у нее ремонт, а машина сломалась...

— Ничего не поняла! Какой ремонт, какая машина?..

— Ива живет на даче, под Москвой, — ожесточенным шепотом принялась объяснять Шура. — А в московской квартире у нее ремонт, а ремонт — это, сама знаешь, стихийное бедствие!.. В зоне стихийного бедствия находиться нельзя... Ива с мамой поехали к моей маме, но у нас ночевать негде, одна только Ивина мама помещается. Вот и пришлось мне Иву взять с собой!

— Так почему же они на дачу не вернулись?

— Потому что машина у них сломалась, завтра только из ремонта смогут взять! А ты, Ева, очень вредная, у меня теперь синяк будет...

— Ладно, прости. Прости меня, я сказала! — сурово сказала Ева. — В общем, ничего страшного. Посидим втроем, все веселее...

Шура моментально оттаяла. Она была доброй, веселой и незлопамятной, в отличие от Евы. Даже внешне они составляли контраст: Шура была полной, с темными вьющимися волосами, желтовато-смуглым веснушчатым личиком, напоминающим кукушечье яйцо... Работала Шура в одном из московских офисов, где персонал заставляли ходить исключительно в деловой одежде и даже брюки но-

сить запрещали. Шура страдала — ей на редкость не шел офисный стиль — приталенные пиджаки, прямые юбки определенной длины, блузы и туфли-«лодочки», а также то, что непослушные волосы ее приходилось укладывать в строгую прическу. Шуре хорошо было в кружевах, рюшах и легких тканях в цветочек, она обожала свободные шлепанцы без каблучков и когда в волосах нет ни одной заколки. В таком домашне-дачно-пляжном виде она выглядела сентиментально и трогательно.

— А почему у нее такое странное имя? — с любопытством спросила Ева.

— У кого, у Ивы?.. А, ну так полное ее имя — Иветта!

— Какой ужас! — фыркнула Ева и засмеялась. — Ладно, неси вот эти тарелки.

— Ева, а это что? Это твои любимые мидии? Ох, пожалуйста, неси их сама, я не могу на них смотреть, а уж если я их случайно понюхаю...

— Тогда неси торт!

В общем, Ева легко смирилась с присутствием в своем доме Ивы. Вот если бы Шурочка вздумала привести Стасика... Стасик был гражданским мужем Шурочки, и Ева его ненавидела. При каждой возможности она советовала подруге бросить «это ничтожество». Правда, главной причины, по которой Шура должна была это сделать, Ева не называла. А дело было в том, что этот самый Стасик однажды встретил Еву у ее дома, один, нагло навязывался в гости, нахально распускал руки (ну это ладно, глупо ждать от мужчин верности) и, что самое-то подлое — плохо говорил о Шурочке. «И за что ты так моего Стасика не любишь?..» — не раз сокрушалась Шура, которой Ева не стала об этом позорном случае рассказывать.

Когда они вошли в комнату, Ива стояла возле стеклянной витрины.

— Господи, Ева, какая прелесть! Я не сразу заметила... Это твое?

За стеклом располагались фарфоровые куклы — с живыми лицами, чудесными волосами, в дивных атласно-шифоновых платьицах, шляпках, туфельках, ничем не отличающихся от настоящих — правда, намного меньше...

— Я забыла тебя предупредить, Ива: Ева сама делает этих кукол! — улыбаясь, сказала Шура. — Красиво, да? Авторские работы... И стоят безумных денег, между прочим.

— Очень красиво... — восхищенно пробормотала Ива, уткнувшись носом в стекло. — Как живые! Я такие на выставках видела, но не думала, что когда-нибудь встречу с человеком, который эту красоту создает...

— Стоят они действительно дорого — потому что изначально на эту красоту уйму денег приходится тратить. Оборудование, инструменты, специальная глина — личики и ручки с ножками у кукол фарфоровые, я их выпекаю в специальной печи, словно пироги. Лаки, краски, с глазами сколько намучаешься, чтобы они выглядели живыми... Волосы тоже настоящие, человеческие — я их покупаю в пастижерных мастерских. Ткани стоят безумно дорого... И все такое прочее, — небрежно пояснила Ева. Она уже привыкла к тому, что ее профессия почему-то вызывает бурные эмоции у окружающих.

— Нет, это невероятно... — бормотала Ива, прилипнув к стеклу. — Чудесно! Может, мне тоже этим заняться? И что, хорошо они продаются?

— Очень! — радостно закивала головой Шура, отчего кудряшки на ее голове запрыгали. — У Евы есть свои клиенты, и вообще, желающих полно — новые русские приобретают таких кукол для своих детей, некоторые собирают коллекции, вполне взрослые тетеньки и даже дяденьки... Американка вон одна каждый год к Еве приезжает, поку-

пает новых кукол, у этой американки в Нью-Йорке своя галерея!

Пока Шура щебетала, Ева пристально разглядывала Иву.

Непонятно почему, но гостя вызывала у Евы какое-то странное чувство... Неприязнь? С первого взгляда?

Ива-Иветта была примерно ее возраста, то есть — лет тридцати с небольшим, невысокая, худенькая. Темно-русые вьющиеся (если это «химия», то чрезвычайно неудачная с эстетической точки зрения!) волосы были коротко подстрижены и аккуратно причесаны — даже слишком аккуратно, напоминая о тех фотографиях, которые когда-то, лет двадцать назад, висели в фойе парикмахерских. И огромные карие глаза. Когда Ива чему-то удивлялась, то ее глаза становились еще больше, отчего девушка выглядела нелепо и даже смешно. Выходит, не всем идут такие большие глаза!

Худоба у Ивы была тоже особого свойства. Вот про нее, Еву, никто бы не сказал, что она слишком худая (хотя — сорок шесть килограммов, и ни граммом больше!), потому что все, что полагается иметь хорошенькой женщине, у Евы было.

Ива же выглядела плоской и бесформенной. Плечи, талия и бедра у нее сливались в одну прямую линию, и тонкие ноги тоже были абсолютно прямыми, словно макаронины: ни икры, ни щиколотки никак не выделялись. Широкие запястья, из-за которых и руки выглядели тоже прямыми...

И одета Ива, с точки зрения Евы, была не вполне удачно: прямая темная юбка до колен, белая блузка со стоячим воротничком (такие воротнички при короткой шее противопоказаны — у Ивы была именно такая), туфли с длинными тупыми носами на плоском каблуке. А чего стоили эти большие круглые перламутровые клипсы в ушах!

«Вот ведь как странно... — машинально подумала Ева. — Вроде не уродка, а выглядит как-то странно! Даже плюшка Шурочка на ее фоне — цветущий розан. Кто бы объяснил этой Иве, как ее недостатки превратить в достоинства...»

— Ну-с, прошу к столу! Ива, ты любишь мидии?

— Я вас умоляю, девочки... — сморщив нос, замахала руками Шура.

— Нет, давайте начнем с шампанского. Ева, хочешь, я открою?

— Конечно, Ива, конечно.

— Прислушайтесь — Ева, Ива... У вас практически одинаковые имена!

Через некоторое время, выпив шампанского, они болтали уже как старые друзья. Ива перестала казаться Еве странной, и она, на правах доброй подруги, стараясь быть максимально деликатной, принялась объяснять ей, как надо правильно выглядеть.

— ...Ты считаешь, мне не идут эти клипсы? — улыбнулась Ива смущенно и стянула клипсы с ушей.

— Молодец! — обрадовалась Ева и вынула из ушей свои рубиновые сережки — как образец. — Вот такие примерь!

— Да, лучше, определенно лучше! — согласилась Шура. — Тебе очень хорошо, Ива!

Потом шампанское кончилось, и они, возбужденные и веселые, решили прикончить бутылку коньяка, которую принесла гостья.

Ива рассказала о своей даче в Лапутинках. Шура — как они со Стасиком в прошлом году делали ремонт.

— Шурка, ты должна бросить это ничтожество! — по привычке воскликнула Ева. — Ты достойна лучшего.

— Ева, я не понимаю, чем тебе Стасик так не угодил...

Ева вспомнила, как она два года назад ездила в подмосковный дом отдыха, как в нее там до смерти влюбился один «бизнесме-э-эн» и как допекал ее своей любовью, обещая горы золота. Ива очень смеялась, а потом тоже рассказала, как у нее в юности был роман с одним мальчиком, а потом он постригся налысо, и она его разлюбила.

— Ой, у Евы тоже был безумный роман в юности! — едва не поперхнулась от смеха Шура. — С Иванько... Ева, помнишь Ярослава Иванько?

— Отстань, Шурка, — сквозь зубы произнесла Ева.

— Нет, это надо рассказать — Ярослав был очень красивым юношей, и Ева...

Ева безжалостно ущипнула Шурочку, и та замолчала на полуслове, моргая блестящими от слез глазами.

Ива неуверенно засмеялась, глядя на них, и заерзала на диване. Из-под диванной подушки на пол шмякнулся пухлый том.

Ива нагнулась и подняла книгу.

— О, новая книга Михайловского...

— Ева его обожает! — мстительно шмыгнула носом Шурочка и опасно покосилась на свою подругу. Но Ева уже сменила гнев на милость:

— Да, я обожаю Михайловского... А тебе он как, Ива?

— Ну, как сказать... — неопределенно протянула та.

— Нет, он гений! Я его всего прочитала, а некоторые книги даже перечитала несколько раз, особенно об Иване Грозном и Распутине... Так хорошо, так интересно! Да, девочки, знаете, о чем я вчера подумала? — оживилась Ева. — Ты, Шурка, разливай коньяк...

— Кончился коньяк, — огорченно произнесла Шура, подняв пустую бутылку, а потом зачем-то одним глазом заглянула внутрь.

— О том, что надо бы мне сходить замуж, — торжест-

венно произнесла Ева. — Погодите, девочки, у меня где-то сливовый ликер был...

Когда она вернулась, Шура с Ивой бурно обсуждали тему замужества. И Ива, и Шура официально никогда в браке не состояли — как и хозяйка дома.

— Так что ты нам хотела рассказать, Ева? — мягко напомнила Ива.

— О том, что мне непременно надо сходить замуж!

— Что значит — «сходить замуж»? — с недоумением спросила Шура. — Ты хотела сказать — «выйти замуж»?..

— Нет, именно сходить замуж! Хотя бы один раз. Так, где ваши бокалы?.. Только есть одна проблема.

— Какая же?

— Так не за кого! Ни одной приличной кандидатуры!

— А Вадик?

— Шура, я тебя умоляю, больше никогда не напоминай мне о Вадике! — с раздражением закричала Ева. — Никогда!!!

— Ладно, ладно, только ты не ори...

— ...а сейчас я вот еще что хочу сказать — если бы я и вышла замуж, то только за Даниила Михайловского! — торжественно заявила Ева.

— Вот за него? — указала Шура на книгу.

— Именно. За него! Выпьем за моего обожаемого автора...

— Выпьем! — как-то странно улыбаясь, произнесла Ива и подняла бокал.

— Ты серьезно? Про Михайловского? — неуверенно спросила Шура.

— Представь себе! — отчеканила Ева. — Я так его люблю, что готова, не глядя, выйти за него замуж.

— А... а сколько ему лет?

— Не знаю. Честно говоря, мне все равно, сколько ему лет и как он выглядит.

Дело было в том, что Даниил Михайловский принадлежал к той редкой породе звезд, не участвовавших в многочисленных ток-шоу, на которых приглашенные учили жизни телевизионную публику, и не давал интервью (кроме того единственного, несколько лет назад — да и то в нем Михайловский о себе ничего существенного не поведал!). И вообще, никто ничего о нем не знал.

Некоторые даже утверждали, что историка-беллетриста Михайловского и не существует в природе, а есть бригада безработных интеллектуалов-беженцев из Таджикистана, которые именно таким образом зарабатывают себе на жизнь...

— А если он женат? — вздохнула Шура.

— Ну, тогда этот вариант отпадает. Терпеть не могу женатых мужиков, которые бросают свои семьи. Предал одну, предаст и другую!

Ива, держа в пальцах вилку с насаженной на нее оливкой, с интересом слушала диалог подруг, и все та же странная улыбка продолжала играть на ее губах.

— Ева... — вклинилась она в беседу. — А если Михайловский свободен, ты уверена, что способна настолько очаровать его, что он будет готов... готов повести тебя под венец?

Ева свирепо захохотала:

— Конечно! Передо мной никто не устоит, я тебя уверяю... Никто! — Сбросив туфельки, она вскочила на стул и запела в пустой бокал, точно в микрофон, ту песенку, которую когда-то пела Мэрилин Монро президенту Кеннеди, поздравляя его с днем рождения, — с теми же придыханиями и с той же, известной всему миру ленивой грацией. А по-

том послала окружающим воздушный поцелуй — точь-в-точь как на тех, известных всему миру старых кадрах.

— С ума сойти... — растерянно улыбнулась Ива.

— Все, Еве больше не наливать! — забеспокоилась Шурочка. — Ева, ты сядь, а то, не дай бог, упадешь...

— Пари? — вдруг произнесла Ива.

— Что?..

— Я тебя спрашиваю — пари? — глядя на Еву огромными блестящими глазами, повторила гостья настойчиво.

— В каком смысле?.. — Ева спрыгнула со стула.

— Я тебя знакомя с Михайловским, и ты его охмуришь. Но если он на тебе не женится, ты проиграла. На что будем спорить?

— Ива, ты знакома с Михайловским? — удивилась Шура.

— Да. Ну как, Ева, ты согласна?

Еве на миг стало жутко — она никак не ожидала, что ее мечта, точно по мановению волшебной палочки, вдруг начнет воплощаться в реальность. Несколько мгновений она медлила, а потом произнесла:

— Согласна. Только я не знаю, на что будем спорить.

— А тут и думать нечего! — весело сказала Ива. — На эти сережки... А если я проиграю, то отдам тебе рубиновый крестик, который у меня есть дома. Тоже, между прочим, старинной работы... Так что в любом случае у кого-то из нас двоих будет замечательный комплект.

— Гениально! — потрясенно выдохнула Ева. Гостья казалась ей уже интересной и веселой женщиной, без каких-либо недостатков.

— Я не понимаю... — заерзала беспокойно Шурочка, залпом допила ликер и, не глядя, тыкнула вилкой в одну из тарелок. — Вы это серьезно? Девочки, вы серьезно, а? — Она отправила вилку в рот.

— Шурка, ты только что съела мидию, — машинально произнесла Ева.

— Что? Ой, мамочки!.. — Шура, зажав рот, выбежала из-за стола.

— Михайловский — мой сосед по даче, — сказала Ива, глядя Еве прямо в глаза. — Я его сто лет знаю.

— Он какой? Старый, молодой? Как он выглядит? — шепотом спросила Ева. — Ива, расскажи о нем, пожалуйста!

— Э-э, нет! — улыбнулась та. — Ты же сама сказала, что тебе все равно, как он выглядит и сколько ему лет... Хочешь нарушить чистоту эксперимента?

— Ну ладно, ладно... — забормотала Ева. — Наверное, все-таки он старый! Написал столько книжек... Столько книжек лет сорок надо писать! Впрочем, мне все равно — нормальных молодых мужчин сейчас нет...

Она разлила по рюмкам оставшийся ликер.

— За Даниила Михайловского.

— За Даниила Михайловского!

Ева с трудом открыла глаза. С трудом — потому что накануне вечером она забыла смыть тушь с ресниц и теперь они слиплись.

— Господи, как голова болит... — Она приподнялась на локте и обнаружила, что лежит на диване, все в том же ярко-алом бархатном платье, только теперь безнадежно мятом. Провела рукой по волосам, сняла с них остатки уже подсохшего крема с низкокалорийного торта. — Что же вчера такое было, а?!

В комнату вошла Шурочка.

— Проснулась? — кисло спросила она. — А я по твоей милости всю ночь не спала. Эти мидии...

— Шура, что вчера было?

— Ничего особенного, — пожала та плечами. — Обычный девичник.

— А почему у меня в волосах торт?

— Откуда я знаю! — кисло огрызнулась Шура.

— Шура, а эта... а Ива где?

— Ива уже уехала. Позвонила в автосервис, и ей сказали, что машина готова, — она быстренько собралась и ушла.

Ева выковырнула из волос несколько засохших цукатов, разложила их перед собой на коленях.

— Слушай, а правда говорят, что сейчас вместо фруктов засахаривают морковь?

— Вполне возможно, — вздохнула Шура и села рядом с подружкой на диван. — Фрукты из моркови, крем из маргарина, красители, вкус, идентичный натуральному... Кстати, мы вчера вполне могли ограничиться шампанским, зачем нам понадобился коньяк, а потом еще этот твой якобы сливовый ликер — я не понимаю.

— У Чехова есть одна замечательная фраза на этот счет, — потеряла Ева виски. — Что-то вроде того: горячительные напитки подобны славе или морской воде — чем больше пьешь, тем больше жаждешь...

— Ива взяла у меня твой телефон. В конце недели она тебе позвонит.

— Зачем?

— Как — зачем? — удивилась Шурочка. — Ты же Михайловского собралась охмурять! Мне Ива так и сказала перед уходом — пари остается в силе. На выходные тебе придется ехать к ней в Лапутинки.

— Какой ужас... — уныло произнесла Ева. — Очень жалко расставаться с сережками!

— Ты не уверена в своих чарах? — усмехнулась подруга. — Или Михайловский тебе больше не нужен?

— Нужен... — Ева чувствовала себя совершенно поте-

рянной и разбитой. — Только вряд ли он нуждается во мне. Эта твоя Иветта... Похоже, она очень хитрая особа.

— Ива? Ну, я не знаю... А по-моему, она очень приличная и порядочная девушка. Кстати, ее покойный отец — бывший замминистра иностранных дел.

— Серьезно?

— Клянусь! Ты забыла, что моя мама и ее мама — хорошие приятельницы.

— А где Ива работает? Кто она?

— Она закончила МГУ, только вот какой факультет — не помню... Но она не работает, почти постоянно живет в Лапутинках, цветы разводит... Она еще курсы садовых дизайнеров закончила — для себя, разумеется.

— На что же она живет?

— Господи, я же сказала — ее отец был замминистра! А до того он был крупным партийным функционером, наследство оставил немаленькое. Они с матерью не шикуют, конечно, но вполне могут себе позволить ничего не делать.

— Живут на золото партии, значит... — пробормотала Ева.

— Ай, перестань! Я же говорю — вполне приличные люди. Так ты будешь знакомиться с Михайловским?

— Буду.

— Ева, и вот еще что, — насупившись, продолжила Шуручка. — Если ты еще хоть раз меня ущипнешь, то я...

— А кто тебя просил вспоминать про Иванько?!

— Ой-ой-ой, какие мы нежные... Ева!!! Ты опять?..

После, когда Шуручка уже ушла, Ева, так и не переодевшись, снова легла на диван. Она чувствовала себя скверно, на душе была тоска — но не сливовый ликер был тому причиной. Уж как она не хотела вспоминать о Ярославле Иванько, а пришлось!..

Четырнадцать лет назад она встретила на одной из ве-